

и решаешь все ту же проблему: переведенная дословно фраза плохо звучит, а уходить от текста тебе не хочется. Слуга двух господ — старого английского автора и сегодняшнего болгарского читателя, ты ломаешь голову над трудным куском. И в тысячный раз ставишь перед собой и пытаешься решить извечный вопрос переводческого искусства. «Каким должен быть перевод — как можно более точным или как можно более звучащим? Чему переводчик должен быть более верен — букве или духу?» — вот различные формулировки вопроса, входящего корнями в те трудности, которые встречаются при перенесении текста из одной языковой культуры в другую. Вопрос этот ты решаешь на практике, в каждом новом случае заново, чаще всего неосознанно, но каким-то методом ты, вероятно, все же руководишься, какие-то общие принципы у тебя, наверное, есть; если призадуматься, ты, быть может, сумеешь, не слишком теоретизируя, растолковать их себе самому и своим собратьям по труду и призванию.

Скажу с самого начала: в целом я твердо стою за максимальную близость к подлиннику. Это для меня главное. Опыт работы над Шекспиром показал, что каждый раз, когда я отходил от текста, я неизменно по прошествии времени или сам или по совету своего несравненного редактора — возвращался к нему во власянице раскаяния: классики потому и классики, что выразили то существовавшее, что они имели сказать, наилучшим образом, и наилучший способ воплотить это существовавшее — непрерывно и упорно стремиться к возможно более точному переводу ими написанного.

Однако при переводе Шекспира добиться такой максимальной верности нелегко. Трудности, как всегда, начинаются с лексик. Правда, должен с радостью и гордостью сказать, что современный болгарский язык оказался способен передать все богатства шекспировской мысли и поэзии. У некоторых смысловых единиц в английском языке больше синонимов, но зато в других случаях наш язык оказывался более щедрым. (Так, например, я, к сожалению, поздно дал себе отчет в том, Шекспир говорит неиз-

менное «my country» там, где я мог бы перевести и «родина», и «отечество», и «татковина».) И все же дословное приближение к тексту часто натывается на препятствия по чисто языковой линии. Скажем, шекспировский текст кишит шутами, а первое значение английского слова, обозначающего «придворного дурака» — fool, было в свое время «слабоумный», что часто связано с контекстом пьес. В болгарском же слове «шут» такое значение отсутствует. И мне приходилось искать окольные пути, чтобы обрисовать общий облик этого персонажа, состоящий из насмешек, глупостей, бубенцов, проблесков гениальности, драк и непристойностей. Но это все же отдельные случаи — как правило, повторяю, наш язык предлагает нужные языковые соответствия, и я всегда усердно искал их, чтобы добиться дословного перевода (или подойти к нему вплотную).

Другие трудности, встающие на пути точной передачи текста, связаны с общеизвестной разницей в «густоте» этих двух языков — английского и болгарского. Как перевести, не допуская потерь в содержании и не растягивая текст, тот или иной кусок, если он написан на языке, который более сжат, чем твой, в соотношении 2:3? Это математика, от нее никуда не денешься. Если ты хочешь сохранить число строк, тебе придется здесь пожертвовать «несущественным» эпитетом, там пропустить что-то, что «само собой разумеется», и т. д. Но поэтическая «информация», как известно, не измеряется битами, и одно дело перевести дословно, что паруса «забеременели от игривого ветерка», и совсем другое — сообщить, что паруса надуты ветром. (Пожалуй, даже лучше, если ветерок будет не «игривым», а «блудливым», но это уже другая тема...) Поэзия при этом несет потери. Если же ты хочешь сохранить поэтические образы и стиль и все-таки не увеличивать количества строк, тебе неминуемо придется прибегать к тем «стусениям» и микронасилиям над синтаксисом, которые делают сценическую речь неудобопроизносимой и неестественной. Шекспир же естествен и музыкален — его стих только внешне выглядит «корявым». Что же остается? (Можно было бы, конечно, действовать «по горизонтали»,